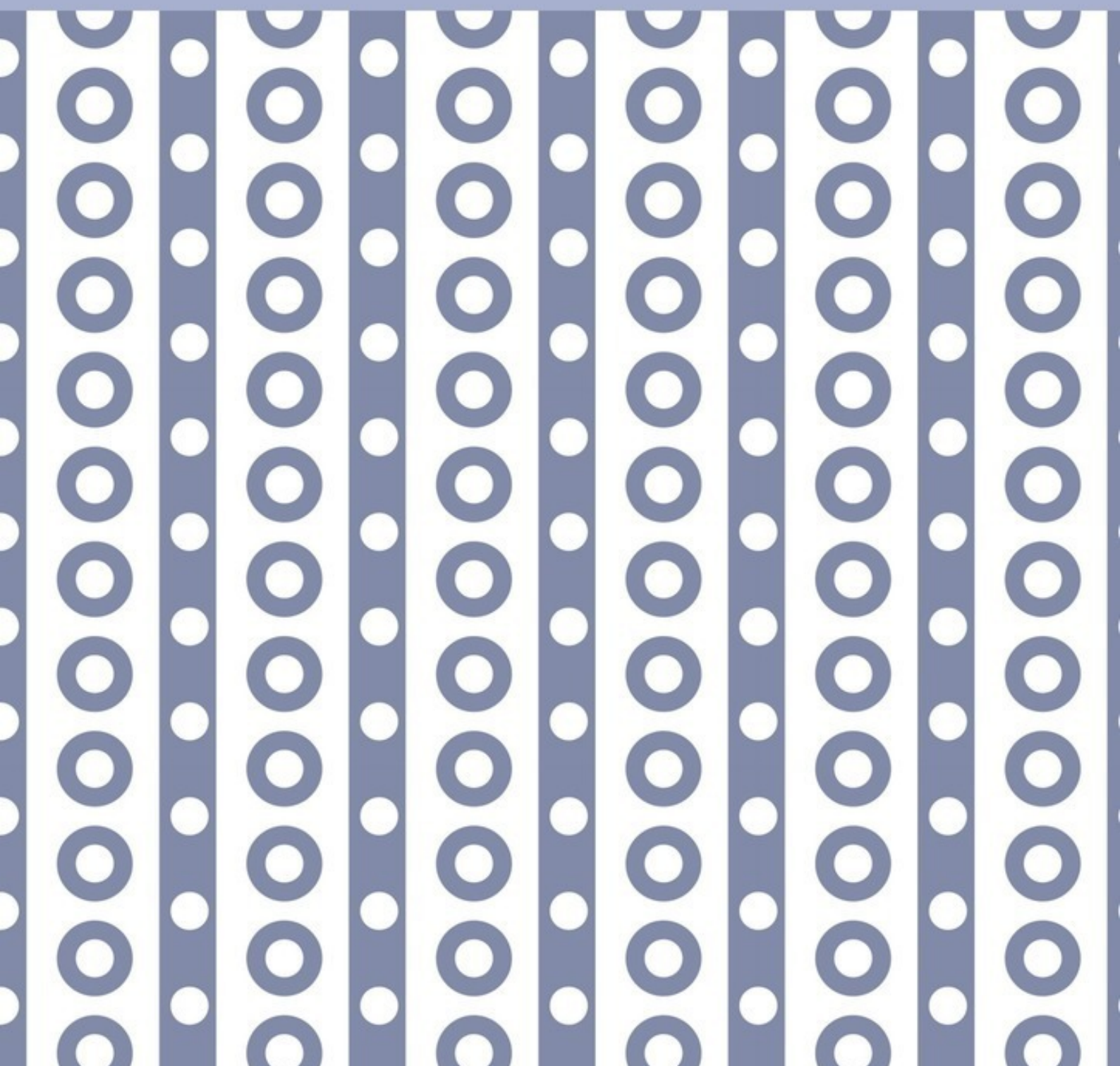

Мария Афанасьева
Времена года

четыре новеллы о любви

Мария Афанасьева

**Времена года. Четыре
новеллы о любви**

«Издательские решения»

Афанасьева М.

Времена года. Четыре новеллы о любви /
М. Афанасьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857365-1

Зима. Две старушки в глухой деревне вспоминают молодость и всё ревнуют друг к другу давно умершего мужчину...Весна. В подмосковный поселок приезжает молодая пара. Неожиданно девушка становится объектом любви местного пьянчужки...Лето. На исходе летних каникул кончается и детство. Невинная игра в «казаков-разбойников» оказывается полной запретных тайн... Осень. К сорока годам, пройдя через разочарования и потери, эти незнакомые друг с другом люди встречаются перед ЗАГСом, чтобы пожениться.

ISBN 978-5-44-857365-1

© Афанасьева М.
© Издательские решения

Содержание

Зима	6
Весна	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Времена года Четыре новеллы о любви

Мария Афанасьева

© Мария Афанасьева, 2017

ISBN 978-5-4485-7365-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зима

Кругом только Чёрное. На этом фоне проступают несколько светлых точек. Это светятся окна в нескольких старых покосившихся избушках, в деревеньке, которую до горизонта окружает снежное поле.

По снежному полю бежит большая белая собака, похожая на волка. Воеет вьюга, с порывом ветра снег глухо бьёт об одно освещённое окно. Собака подбегает и заглядывает в это окно. Её прозрачные, как льдинки, голубые глаза почти не различимы за снежными узорами на стекле. За оконным переплётом видно комнату. Обстановка в комнате старенькая и строгая. За круглым столом, накрытым простой клеёнкой, на табуретках сидят две старушки и молча пьют чай. Собака стоит и смотрит.

Старушки собаку не замечают. Одна из них – высокая и худая, вторая – маленькая и толстенькая. Они смотрят фигурное катание по телевизору. Вдруг толстенькая старушка спрашивает худую:

– Нюр, а вот ты-то как думаешь, бог ешь?

Худая мгновенно отвечает:

– Ешь! – не поворачивая головы.

Но толстенькая смотрит на единственное украшение комнаты, репродукцию «Ходоки у Ленина» на шкафу с книгами и продолжает:

– А вот я думаю, зачем ж то ему быть? Корову-то я и сама за сиськи дою...

Худая строго поджимает губы:

– Замолчи, Шур. Мешаешь.

Толстенькая виновато ёрзает на стуле и они дальше смотрят фигурное катание. Там красивый фигурист в блестящем костюме исполняет сложный трюк, подняв вихрь ледяной крошки и сорвав бурю аплодисментов.

– От Плющенко даёт! (замечает баба Шура, не выдержав молчания).

Когда баба Шура потом идёт домой, вьюга всё воеет и воеет, пытаясь сбить с её ног. А большая белая собака, незамеченная, наблюдает за ней, стоя неподвижно за сугробами. Уже у себя, перед тем как лечь спать, баба Шура в темноте зажигает свечку и старательно крестится на образа. У её ног трётся серый кот, а потом запрыгивает на постель и сворачивается спать в ногах у хозяйки. Старушка ворчит на него, «отвяжись, заманал уже», но терпит, от себя не прогоняет. За ночь вьюга так и не утихает.

Короткая стрелка на ходиках бабы Шуры совершает полукруг. Рассветает, но солнца не видно за тучами.

Баба Нюра и днём читает книги. Что-то выписывает, делает пометки. Баба Шура днём вяжет крючком какой-то узор.

Вечером старушки пьют чай и смотрят фигурное катание уже в гостях у бабы Шуры. У неё в комнате вся стенка завешена фотографиями детей и внуков, и повсюду лежат вязанные салфеточки, а вот шкафов с книгами нет. В центре её фотогалереи – большой портрет белобрысого носатого мужчины, в гимнастерке без погон и с медалью на груди.

Серый кот вьюном вьётся вокруг хозяйки, а она не прекращает с ним ворчливую перебранку, вполголоса, чтобы не мешать гостье смотреть телевизор. Порою кажется, что кот специально вытворяет мелкие пакости, чтобы у хозяйки был лишний повод его поругать.

Так, он неожиданно вспрыгивает на стол в момент постановки на него самовара и получает за это удар по спине полотенцем и смачное «ах ты, собака!». Вообще, баба Шура не устает придумывать для кота всё новые и новые обидные прозвища. Он и «задница мохнатая», и «тварь полосатая», и даже «кот Ягудин», по фамилии главного соперника любимого фигуриста... Гостя же исподтишка наблюдает за этой парочкой, видно, что не впервой удивляясь их странным отношениям.

Вчерашний красивый фигурист сегодня и вовсе срывает ураган восторгов. Тут и крики браво, и дождь плюшевых игрушек в подарок, и девичьи слёзы на трибунах. Вдруг баба Нюра, глядя на него, печально замечает:

– А похож Плющенко на твоего Лёньку в молодости. Хоть бы выиграл!

Баба Шура неожиданно сердито отвечает:

– Ничё не похож! – и начинает сердито громко стучать ложкой в стакане.

Теперь Нюра обиженно замолкает. Наступает пауза. В тишине громко тикают ходики. Кот мурлычет, прыгает к хозяйке на колени и ласково тычется мордочкой в лицо, но она злобно сталкивает его на пол. Тот жалобно мяучит и забивается под стул. Тогда по лицу бабы Нюры пробегает какая-то тень. Она резко встаёт, со звоном поставив чашку:

– Ну ладно, насиделась я!

Потом баба Нюра идёт к себе домой, и вьюга утихает, мирно укладываясь к её ногам. Только вот старушка машинально продолжает зажмуривать от снежинок глаза. Да и не снежинки это у неё на лице, они больше не летят. Что же тогда она вытирает варежкой, откуда эти капельки?

Позже, у себя дома, перед сном баба Нюра берёт с полки книжку и пытается читать. Но мысли не дают ей сосредоточиться, и она просто лежит с книгой в руках, глядя куда-то в дальний угол. Так и засыпает при свете лампы, выронив чтение из рук.

Ночью вьюга совсем прекращается. Теперь деревня со всех сторон окончательно занесена снегом. Маленькие домики спрятались посреди больших сугробов, и между ними проложены узкие тропинки. Стрелки на ходиках бабы Шуры совершают пол-круга. Утром на небе слегка проступает солнце.

В бледном солнечном луче кот играет с клубком в комнате у бабы Шуры. Самой бабы Шуры нет. Вдруг, скрипнув дверью, входит запыхавшаяся высокая прямая фигура, против света лица не видно. Клубок катится прямо к её ногам, за ним прыгает котик. Фигура наклоняется, подхватывает кота и быстро скрывается за дверным проёмом.

Чуть позже входит баба Шура. Она с бидоном молока в руках. Задев ногой клубок у дверей, но не замечая его, она проходит в кухню и отливает немного молока в миску, которую ставит у печки. Затем снимает ватник и садится в старенькое кресло у окна. Берёт в руки спицы. Тянет нить из корзинки с вязанием и обнаруживает, что клубок укатился к самым дверям. Она с кряхтением и ворчанием подбирает его и, поминая «наглого котяру», усаживается вязать. Мирно тикают ходики и спустя некоторое время старушка засыпает.

Проснувшись от боя часов, старушка сразу проверяет, не укатился ли клубок. Но клубок на месте в корзинке, и старушку это очень удивляет. Она оглядывается, и замечает, что миска с молоком стоит полная, нетронутая. Баба Шура слабо зовёт «кис-кис-кис», потом замечает на кровати, на верхней подушке, характерную вмятинку от кошачьего тельца – опустевшее кошачье лежбище, и пускается на поиски. Но на печке пусто, подоконники тоже необитаемы. Старушка начинает заглядывать во все углы. Она ищет повсюду до тех пор, пока в глазах у неё не начинают мелькать круговоротом стол, сервант, комод, портреты род-

стенников на стене и образа над телевизором. Сердитые призывы «паразитуса» постепенно сменяются на жалобные, а потом и вовсе ласковые «васяточки». Наконец баба Шура без сил падает на стул.

Запыхавшаяся старушка пытается отдышаться, но тут её взгляд снова падает на кровать. В странном порыве баба Шура бросается к кровати и вытаскивает из-под неё большую картонную коробку. Сверху действительно оказывается что-то мохнатое, похожее на кота. Баба Шура радостно хватает это мохнатое в руки, но это всего лишь старая шапка. Старушка зачем-то внимательно рассматривает её со всех сторон. Наконец, спохватившись, отбрасывает. И тут замечает внутри что-то белое. Это связка писем. Баба Шура бегло просматривает пару верхних и, вдруг, очень медленно, заползает обратно на стул. Сидит без движения, долго. Начинает темнеть.

Этим вечером баба Нюра пьёт чай одна. По телевизору показывают фигурное катание, и любимый фигурист старушек – Плющенко – неожиданно, на ровном месте, падает. Баба Нюра проливает чай. Оглядывается на окно.

Баба Нюра одевается и идёт к подруге. Но в дом не заходит, а останавливается у окна и заглядывает внутрь. Там она видит бабу Шуру сидящую на стуле в прежней позе. Не смотря на то, что уже по всей деревне горят огоньки, баба Шура так до сих пор и не встала, и не зажгла света.

По лицу у неё текут слёзы. Она неотрывно смотрит на портрет носатого мужчины, и шевелит губами, что-то приговаривая, как молитву. И кажется, что этой молитве нет конца. Баба Нюра устало разворачивается и уходит восвояси, тяжело вздохнув.

Как только Нюра уходит от её окна, баба Шура всё же встаёт и протирает портрет мужчины концом платка, смоченным в собственных слезах. Затем решительно успокаивается и задвигает злополучную коробку обратно под кровать. А потом начинает привычно, хоть и вяло хлопотать по дому. Подолгу задерживается она над каждым простым действием: то не донесёт пустой ковш до кадушки с водой, то застынет перед открытой печной заслонкой с зажженной спичкой в руке.

А укладываясь спать, баба Шура забывает перекреститься. И свечка под образами остаётся стоять незажженной.

Ходики снова отмеряют неутомимое время. Настаёт яркое солнечное утро.

В комнате бабы Шуры опять скрипит дверь. Баба Шура открывает глаза, но с постели ещё долго не встаёт, просто лежит и грезит, глядя на сонную муху, ползающую по обоям. Когда же наконец шипение ходиков заставляет её подняться (а муху взлететь), первое, что она видит – клубок посреди комнаты. И миска пуста от молока. И наконец, обнаруживается, что то, что свисает с печки, и так похоже с первого взгляда на метёлку, это – пушистый хвост. Там, свернувшись клубочком, тихо спит котик.

Счастливая баба Шура долго смотрит на котика, не желая его будить. А чтобы лучше видеть любимца, надевает очки. И тогда только замечает, что вокруг кота разбросаны рыбы головы, чешуя и кости, рядом валяется пустое верёвочное кольцо, и соответствующее место над печкой зияет голым гвоздём. Баба Шура мгновенно преображается в лице, и схватив

полотенце, начинает яростно лупить кота с криками «Ах ты мерзавец!» и «Вот же тварь, сожрал рыбу!» А тот вскакивает, и хитро увиливая от бабкиных ударов, несётся по комнате, специально с грохотом роняя цветочные горшки, подушки-думки и фарфоровые статуэтки.

В это-то время и кашляет чёрная фигура. Оказывается, она всё это время незамеченная сидела на стуле. Баба Шура оглядывается на неё, и та вдруг начинает рыдать в голос. Это баба Нюра. Котик, пользуясь ситуацией, юркает за дверь.

– Ты чё это? – спрашивает баба Шура подругу.

Та утирает слёзы:

– Да Плющенко не выиграл!

Баба Шура секунду растерянно молчит, а потом её осеняет:

– Это ты что-ль котика-то стащила? За Лёньку хотела отомстить?

Та признаётся, продолжая всхлипывать:

– Ну. Ведь какой ангел был мужчина!

Баба Шура спокойно встаёт и идёт на кухню:

– Ага. Ангел.

Потом кричит оттуда:

– Хрен старый!

И сердито бурчит себе под нос:

– Взял, да помер, бездельник...

И уже с порога, с бидоном в руках, деловито кивает на сундук:

– Вон, письма твои лежат. Хранил их, оказывается, Лёнька. (Чему-то удивляется). Всю жизнь.

Баба Шура выходит во двор, и задумчиво поднимает голову к небу, как бы пытаясь что-то разглядеть, разгадать. Сверху, с крыши, смотрит на неё её котик. Повернув голову, он видит, как по снежному полю убегает вдаль от деревни большая белая собака. И опять несколько избушек превращаются в несколько точек на бескрайнем снежном фоне, теперь чёрных на белом, а потом и вовсе скрываются из глаз. Остаётся только Белое.

Весна

Пустой заводской цех. Где-то в глубине слышится грубый мужской голос: «Коля-ан, а, Колян!», – ему отвечает робкое «Д-да?» Голос продолжает: «Пойди, провод проверь, вырубил?» Тот же робкий ответчик пытается уточнить: «А к-к-как?...» Грубой голос шутит: «Как-как?! Рукой возьми!» Вдруг из того угла цеха, откуда слышались голоса, раздаётся громкий треск и вспыхивает сноп ярко-голубых искр. Эта вспышка застилает всё... Глухим фоном звучат грубые матерные крики и топот.

Ранняя весна, с неба сыпется мелкий снег с дождем. Тёмная ночь. Мужская рука открывает правую дверцу автомобиля, потом левую. Звук захлопнувшихся дверей, и завожжающий мотор, а затем рванувшего с места автомобиля. Вид через лобовое стекло – включились фары и поехали навстречу центральные городские улицы, яркие огни, толпы людей и машин. Постепенно они сменяются тусклыми многоэтажными окраинами.

Пустынное загородное шоссе. Фонарём освещен только стеллообразный указатель въезда в Москву. В жёлтом свете особенно заметна мокрая «крупа», падающая с неба. Со стороны Москвы темноту нарушают две быстро приближающихся светящихся искры. Это фары мчащегося автомобиля. Он проносится мимо неуловимым очертанием, поднимая брызги придорожной грязи.

Теперь через лобовое стекло видно, как навстречу несутся только деревья и придорожные столбы, а дома исчезли вовсе.

Ночь перед рассветом. Деревенская проселочная дорога. Редкие чёрные проталины вуалью прикрыты нападавшим за ночь снегом. В ярких лучах фар, прямо перед движущейся машиной, бешено петляя бежит заяц, а в паре метров над ним летит большая птица – то ли филин, то ли коршун, и время от времени пикирует на жертву.

Мужской голос звучит взволнованно: «Смотри! Вон, там! Вот это да!» В салоне машины за рулём парень, рядом на пассажирском сиденье девушка. Парень говорит: «Да, в городе такого не увидишь» и выжидательно смотрит на спутницу, но она отстранённо молчит, словно ничего не замечая. Дорога поворачивает, а заяц бежит прямо и скрывается в придорожных кустах. Машина уезжает дальше.

Рассвет. Моросить вроде перестало. Старенький дом в центре деревни. К нему подъезжает и останавливается потрепанный спортивный автомобиль, странно контрастирующий с деревенским пейзажем. Выйдя из авто, давешний парень спешит открыть дверь девушке и помочь ей выбраться наружу. Она одета в какую-то трогательную, похожую на детскую, дублёнку, сама очень худая и бледная, еле стоит на ногах и смотрит как-то безучастно. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется большая белая собака, похожая на волка. Она бежит прямо на девушку. Парень хватается подругу за руку: «Стой! Не двигайся!» Но собака, подбежав прямо к девушке, начинает лизать ей другую руку. В этот момент из-за дома появляется и припадая на одну ногу, бежит в сторону приехавшей пары нелепый пьяный мужичок, а за ним – пара-тройка трезвых, но с палками в руках. И пьяный, и остальные мужики, задев собаку, останавливаются как вкопанные. Та же, напротив, увидев их, спокойно, с достоинством, убегает, лизнув на прощанье ещё раз девушкины пальцы.

Парень, придя в себя, окликает преследователей пьяного: «Мужики, чё все на одного?» Один из них поясняет: «Да вот, мы вчера на охоту сходили, бабам на воротники лис принесли. Шкурки ободрали, ну а тушки – куда? Ясно, выкинули. А Колька вон что с ними

сделал...» Мужик показывает на дорогу. Вдоль всей улицы, подмерзшие на морозе, красные ободранные тушки лисиц стоят, по цепочке воткнутые в сугробы, будто живые. Каждая из них бережно укрыта от мороза нападавшим за ночь снежком. «Жалко ему видишь, лисок стало, а бабы ваши, говорит, и так не замерзнут – больно толстые!» Парень потрясённо молчит. Глядя на него, мужики начинают тихо расходиться. А спасённый спокойно стоит и разглядывает приезжих.

Парень подхватывает девушку и несёт на руках, недовольно приговаривая: «Когда же ты начнёшь ходить? Что за капризы такие...» Войдя в дом, он усаживает её в кресло на веранде, а сам начинает раздвигать шторы, ставить чайник и вообще хлопотать по хозяйству.

Следующее раннее утро, едва брезжит рассвет. Из дома, соседнего с тем, где поселились приезжие, выходит Коля. Он неотразим в ватнике поверх майки, чёрных семейных трусах и сапогах-кирзачах с отворотами. Коля крадётся через свой огород. Подойдя к дому новых соседей, он берет булыжник и начинает со всей силы колотить им в стену. А когда на крыльцо наконец выпадает совершенно сонный парень, и спрашивает, что Коле нужно, тот, как ни в чём не бывало, задорно кричит «Ну што, проснулись?!», и довольно улыбаясь во всю свою страшноватую рожу, уходит.

Позже, когда утро уже действительно наступило, машина отъезжает от дома. Коля, успевший одеть спортивные штаны, пристально наблюдает через забор за новыми соседями. В авто только парень, девушка остаётся сидеть, как хорошо видно, в кресле на застеклённой веранде. Она неподвижно смотрит в окно.

Коля долго бродит по огороду, чего-то выжидая, якобы в поисках никак не находящегося дела. А на самом деле поглядывает на соседскую веранду. И как только ему кажется, что девушка слегка поворачивает голову в его сторону, мгновенно срывается с места. Петухом налетает на сгорбленную годами старушку, сонно заскучавшую на завалинке и бойко орёт: «Ну, што ты купила?!» Мать, зная своего сына, отмахивается: «Та я ништо не купила, я никуды не ходила!» Но налёт действует на неё – через пару минут старушка поднимается с завалинки, и бредёт куда-то. Сквозь редкий частокол забора видно, что она направляется к деревенскому колодцу на перекрёстке двух центральных улиц. Там собрались бабы по обычаю поточить ляды в ожидании автолавки. Крепкие деревенские жительницы сплошь одеты в тренировочные штаны, заправленные в резиновые сапоги, да стёганные китайские куртки. Пожалуй, от колиного внешнего вида их отличают только платки на головах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.